

Площадь перед залом уже была заполнена выпускниками столичного экзамена, и ученый из Академии Ханьлинь проводил переключку. Неподалеку от него Хуан Цзянь кивнул в сторону Дуань Лина.

— Вот и ты!

— Ты тоже здесь, — Дуань Лин понял, что тот имел в виду, и кивнул Хуан Цзяню, ставя отпечаток большого пальца на регистрационном листе.

Хуан Цзянь спросил его:

— А где наш учитель?

Вчерашний день был настолько насыщенным, что Дуань Лин даже не вспомнил об экзамене — он даже не поинтересовался, как сдал экзамен другой ученик его учителя. Все бегали вокруг, как куры с отрубленной головой, а Му Куанда даже не вернулся в поместье. Дуань Лин рассказал об этом Хуан Цзяню, и они отошли в сторону от толпы, чтобы поговорить. Вскоре к Хуан Цзяню подошли еще два человека и улыбнулись Дуань Лину.

— Мой шиди, — представил им Дуань Лина Хуан Цзянь, и тот сделал полшага назад, чтобы отвесить им поклон.

Те тоже поклонились Дуань Лину, и Хуан Цзянь поднял руку, представляя их ему:

— Цинь Сюйгуан, Цэнъюн Но.

Цинь Сюйгуану было уже за тридцать, а Цэнъюн Но еще не было и тридцати. Цинь Сюйгуан был самым старшим из них, и все называли его Цинь-сюн, однако во время разговора двое новоприбывших очень вежливо обратились к Хуан Цзяню и Дуань Лину.

Отец Хуан Цзяня был эмиссаром по соляным делам. Когда дед Дуань Лина сидел на троне, эмиссар Хуан был крупным чиновником императорского двора Великой Чэнь. Позже он был обвинен в казнокрадстве и умер в тюрьме, но по прошествии нескольких лет Му Куанда отменил приговор в его сторону и отправил Хуан Цзяня в школу в Цзянчжоу. По окончании учебы Хуан Цзянь каким-то образом оказался на дворцовом экзамене.

Цинь Сюйгуан, напротив, был сыном магистрата Хуэйчжоу. Его родители все еще были живы, и он надеялся стать чиновником, сдав экзамены в столице. Цэнъюн Но был единственным из них, кто происходил из семьи торговца солью в Цзяннани, и его можно было отнести к тому же социальному пласту, что и Дуань Лина, «сына аптекаря».

Они обменялись любезностями, после чего Хуан Цзянь спросил Дуань Лина:

— Я правильно слышал, что вчера кто-то прибыл в город с приграничной заставы?

— Да, — ответил Дуань Лин, и это было таким тяжелым испытанием, что он из-за всего этого выглядел очень несчастным; складка между его бровями пролегла еще накануне вечером и до сих пор не исчезла. Подумать только, он даже не знал, что сказать по поводу всего этого дела — двор до отказа был набит чиновниками и военными, и никто из них ничего не мог придумать, а кучка выпускников столичного экзамена, которые даже не сдали дворцовый экзамен, волновались о государственных делах.

Дуань Лин объяснил Хуан Цзяню ситуацию, и все согласно закивали.

Дуань Лин спросил Хуан Цзяня:

— Что ты думаешь?

И тот ответил:

— У нашего учителя должен быть какой-то план, как с этим справиться. Возможно, он сделает заявление об этом сегодня.

Дуань Лин знал, что Хуан Цзянь, естественно, не станет слишком много болтать, чтобы кто-нибудь не сказал, что он «говорил об императоре за его спиной» еще до того, как сдал дворцовый экзамен.

— Когда закончишь, приходи ко мне, — сказал Хуан Цзянь. — Нам есть о чем поговорить.

— После дворцового экзамена мы все должны узнать друг друга получше, — с улыбкой произнес Цэньюн Но.

— Конечно, — улыбнулся в ответ Дуань Лин, думая о том, что это, конечно, удача для вас всех.

Цинь Суйгуан сказал:

— Я слышал, что в городе есть закусочная под названием «Лучшая лапша в мире». Какие громкие слова! Почему бы нам не попробовать ее сегодня вечером и не заказать отдельную комнату?

Дуань Лин подумал, место в отдельной комнате получить невозможно, хватит мечтать... когда услышал гонг в зале. Он произнес что-то из вежливости, выказав намерение разузнать о частной комнате, когда они придут туда, а затем последовал за остальными в Зал Великой Гармонии.

Всего здесь было сто двенадцать выпускников столичного экзамена, и когда они все разом двинулись в путь, это зрелище выглядело весьма впечатляюще: они толпились у входа в зал, не давая возможности пройти. Обычно в такой день, как сегодня, они были должны были искупаться, помедитировать, возжечь благовония и помолиться богам, прежде чем им позволили бы войти во дворец. Но сейчас были отчаянные времена, требующие оперативности, поэтому их освободили от всех этих изощренных обрядов.

Было начало лета, и всем стало неизбежно душно и жарко, что было крайне неприятно.

Когда он стоял в очереди, Чжэн Янь вышел из боковой двери, свистнул и сказал Дуань Лину:

— Иди сюда!

Дуань Лин немного растерялся.

— Поторопись! — произнес Чжэн Янь. — Если Его Величество узнает, на меня снова будут кричать.

Дуань Лин взял себя в руки и подошел к Чжэн Яню, пока все глазели на него, и ушел по кратчайшему пути, через который тот его провел.

Как только он оказался внутри, то застал за колонной У Ду. Дуань Лин улыбнулся и уже собирался что-то сказать, как тот приложил палец к губам и остановил его. Он указал на один из столов, давая понять, что Дуань Лин должен занять свое место.

Сотня парт, выстроившихся в коридоре, представляла собой весьма живописное зрелище. Дуань Лин сделал глубокий вдох и сел. Вскоре через черный ход в комнату зашел еще один человек. Это Му Цин.

— Ай-я! — воскликнул Му Цин. — Я послал их за тобой сегодня утром, чтобы ты не стоял в очереди. Почему ты пришел только сейчас?

— Я отослал их, — ответил У Ду. — Чтобы он еще немного поспал.

Дуань Лин спросил Му Цина:

— Ты не вернулся домой прошлой ночью?

— Нет. Я принес тебе перекусить. Тетушка сказала, что если мы это съедим, то придем и станем лучшими на экзамене.

Дуань Лин разразился смехом. Му Цин протянул ему бумажный сверток с пирожным в форме рыбки с персиковыми цветами, как из выражения «карп перепрыгивает Врата Дракона»*. И вот они разделили пирожное между собой: Дуань Лин взял рыбью голову, а Му Цин съел остальное.

* Некогда, высоко в горах, обитала стайка карпов. Однажды разыгралась сильная буря, их смыло волной, отнесло далеко от дома. Тогда один из карпов обратился к императору Даюю, чтобы он помог им вернуться обратно в горы. Тогда Даюю сказал, что если карпы смогут перепрыгнуть водопад Лунмэнь, то они станут могучими драконами и смогут попасть в любой уголок земли. Каждый год карпы собираются у подножия водопада, но лишь немногим удалось стать драконами. Есть и другие вариации легенды. Также Лунмэнем называли главные ворота в учреждении, где проводили кэцзюй (科考 kēkǎo — экзамен на должность чиновника). Тот, кто успешно сдал экзамен, проходил через них и получал должность. Поэтому пирожное, приготовленное тетей Му Цина, несет двойной посыл.

— Мне не нужно быть Чжуаньюанем, — с улыбкой произнес Дуань Лин, — мне достаточно стать Баньянем*.

* Второе место на дворцовом экзамене. Таньхуа — третье.

Му Цин и Дуань Лин ухмыльнулись друг другу и все еще продолжали улыбаться, когда Дуань Лин заметил, что вошел кто-то еще, но на этот раз это был Лан Цзюнься.

Лан Цзюнься держал Цинфэнцзянь в ножнах, когда вошел на экзаменационную площадку дворца, и Му Цин и Дуань Лин при его появлении затихли. Но вот Лан Цзюнься подошел к одной из колонн и остановился, чтобы встать за ней. Он бросил взгляд на левую руку Дуань Лина.

Дуань Лин оттянул рукав, пряча красный браслет с горошинами, который ему подарил У Ду.

Выражение лица Лан Цзюнься ничуть не изменилось. Он просто молча взглянул на Дуань Лина, а затем отвел глаза в сторону, больше не обращая на него внимания.

И в этот самый момент Дуань Лин словно почувствовал, о чем думает Лан Цзюнься.

Он искал подаренную ему нитку буддийских четок, но с того дня, как Дуань Лин забрал их у него, он почти никогда их не надевал.

— Где Чан Люцзюнь? — спросил Чжэн Янь.

— Я проходил мимо императорского кабинета, — ответил Лан Цзюнься, — и он все еще был там, так что, скорее всего, он не придет.

Сзади раздался второй удар гонга, возвещающий о прибытии экзаменаторов, которые ворвались в зал подобно порыву ветра, — это был Чан Люцзюнь, одетый с ног до головы в черное и с маской на лице.

У Ду сказал:

— Какая редкость, мы действительно собрались в полном составе.

— Мы будем здесь весь экзамен, — сказал Чан Люцзюнь. — Усердно трудитесь.

Каждый из четырех великих убийц встал перед колонной, наблюдая за экзаменационной площадкой с четырех углов. И тут Дуань Лин, к своему удивлению, понял, что они и есть сегодняшние экзаменаторы.

В третий раз прозвучал гонг, и двери дворца распахнулись перед выпускниками столичного экзамена, все выстроились в ряд, каждый нашел свое место и сел, а Чжэн Янь и Чан Люцзюнь внимательно следили за каждым их движением на случай списывания. Лан Цзюнься все это время не отрываясь смотрел на Дуань Лина.

У Ду тоже наблюдал за Дуань Лином, время от времени поглядывая на Лан Цзюнься. Каждый из них стоял в углу, и когда их взгляды встретились, Лан Цзюнься осталось только отвести глаза.

Вскоре главные двери открылись, и в комнату проник лучистый утренний свет.

Позади них кто-то распел:

— Сын Неба здесь! Поклонитесь!

Экзаменуемые немедленно поднялись со своих мест и встали на колени.

— Да здравствует Ваше Величество!

Ли Яньцю в развевающемся императорском облачении прошёл через зал, оставляя за собой лёгкий ветерок, взошёл на трон и непринужденно произнёс:

— Встаньте.

— Благодарим вас, Ваше Величество...

Экзаменуемые встали и сели за парты.

Ли Яньцю окинул взглядом экзаменационный зал и наконец остановился на лице Дуань Лина, рассеянно сказав:

— Начинайте.

Советник канцелярии расправил лист бумаги и произнес:

— Однажды я услышал, что управление начинается с праведного пути и продолжается добродетелью...

Никто не издавал ни звука. Каждый экзаменуемый затаил дыхание, слушая.

—...И все же изнутри прогнили балки, снаружи голодают люди, насилие грозит нашим границам...

Дуань Лин ощутил, как его сердце резко подступило к горлу, и внезапно понял, что чувствовал Ли Яньцю. Горе Ли Яньцю пробивалось наружу сквозь строки этой экзаменационной темы.

—...Излагайте, как бы вы поступили, и не бойтесь наказания. Так сказал Его Величество.

В зале стало так тихо, что можно было услышать, как падает булавка. Вслед за этим евнух снова запел:

— Сын Неба уходит...

Экзаменуемые снова встали и поклонились, возглашая: «Да здравствует Ваше Величество», и Ли Яньцю после этого удалился. Советник канцелярии приказал всем встать, и каждый начал отвечать на вопрос.

Смысл темы Ли Яньцю был таков: в настоящее время нашей империи угрожают как изнутри, так и извне, и хотя я уже сделал все, что мог, я не знаю, где корень проблемы. Великая Чэнь — это неустойчивый режим, а двор находится на грани краха; простолюдины недоедают, а чужеземные племена часто вторгаются на наши границы на севере. Кто может спасти меня? Кто может спасти Великую Чэнь? Вы должны отвечать по мере своих сил и возможностей и не бояться оскорбить своего императора.

Когда советник канцелярии ушел, казалось, что кто-то хотел высказаться, но вдруг кто-то все-таки заговорил, и этим кем-то оказался Чжэн Янь.

— Господа, будущие столпы нашей Великой Чэнь, — серьезно произнес Чжэн Янь. — Когда вы будете писать экзамен, пожалуйста, не вступайте в обсуждения друг с другом, иначе, если вы превратитесь в брызги крови в экзаменационном зале, нам будет довольно сложно объяснить

это Его Величеству.

— Пфф, — прыснул от смеха Дуань Лин и, взяв из стопки лист бумаги, поднял кисть и стал писать, начиная с первой строки, — «Широко кругом простирается небо вдаль, но нету под небом ни пяди нецарской земли. На всём берегу, что кругом омывает моря, повсюду на этой земле только слуги царя»*.

* Цитата из Книги Песен. Смысл не в том, что «все принадлежит императору, и он может делать все, что захочет», а в том, что «император несет ответственность за все это».

Проблемы Великой Чэнь коренились, во-первых, в проблемах с суверенной территорией, а во-вторых, в проблемах с сельскохозяйственными угодьями.

Шанцзыский договор уже много лет обходился им дорого, а варвары с севера часто вторгались в их владения. Сочетание этих двух причин практически опустошило казну Великой Чэнь. Многолетняя коррупция на юге привела к тому, что простолюдины лишились своих земель и остались без средств к существованию, а разделение на социальные пласты увеличивало разрыв между богатыми и бедными. Земли должны быть снова перераспределены, но сопротивление иностранным захватчикам и утихомиривание внутренних раздоров имеют первостепенное значение...

Время летело незаметно. Сначала Дуань Лин думал повторить то, что написал на столичном экзамене в первый раз, но, серьезно поразмыслив, решил начать с битвы при Шанцзине, произошедшей два года назад.

Почему погиб его отец? Кто убил его?

Если покойный император был все еще рядом, как бы выглядел мир сегодня?

За прошедшие два года Дуань Лин узнал слишком много нового — теперь он мог спокойно воспринимать аргументы тех, кто выступал против его отца. После стольких лет борьбы империя посылала бесконечный поток войск на север, чтобы сражаться с чужеземными племенами, война продолжалась и продолжалась, и как только они закончили сражаться с Ляо, настала очередь вторжения Юань. Он был свидетелем героических поступков своего отца, и его восхищение им ничуть не изменилось.

Но по пути в столицу он также видел голод среди простолюдинов центральной равнины, нищету Сычуани, а также отношение землевладельцев в Цзянчжоу.

Великой Чэнь нужны такие люди, как его отец, но ей также нужен кто-то еще, кто будет поддерживать эту давно вышедшую из строя повозку, чтобы она не развалилась, какие бы силы ни обрушились на нее.

Дуань Лин начал понимать, какие надежды возлагал на него Ли Цзяньхун. Он называл Дуань Лина «Ваше Величество», и это не было шуткой. Для него Дуань Лин был фонарем в темноте, лодкой, на которую он садился во время переправы через великую Янцзы. Его отец умел только воевать, это был его долг и его судьба. Единственное, что освободило его от этого долга, — смерть.

Что касалось Дуань Лина, то его долг — он был вот, на бумаге.

— Что ты все время на него смотришь? — неожиданно раздался голос У Ду из северо-западного угла.

Все до единого экзаменуемые замерли. Дуань Лин поднял голову, но никто ему не ответил, и никто не знал, о ком говорит У Ду.

— Если ты еще раз на него посмотришь, — доносился голос У Ду в тишине дворцового зала, — то не вини меня за то, что я возьмусь за меч.

У всех замерло сердце, они не были уверены, действительно ли кто-то превратится в «брызги крови», о которых говорил Чжэн Янь. Все некоторое время ждали, но У Ду молчал. Только тогда все вернулись к письму.

Вскоре четыре великих убийцы начали патрулировать комнату, каждый выбирая отдельный путь, чтобы проходить мимо парт.

Дворцовый экзамен занимал почти целый день. Ближе к полудню стало жарко, и служанки расставили на столах деревянные чашки, наполнили их чаем и поставили на край каждого стола закуски со своих подносов.

Дуань Лину очень хотелось пить, но он не решался. Тут рядом с ним остановились сапоги воина, и их владелец нагнулся, чтобы поставить на стол новую чашку с водой, забрав ту, что была поставлена ранее.

Дуань Лин проследил взглядом за ногой человека и, увидев, что это У Ду, выпил воду.

У Ду налил ему еще, но Дуань Лин, опасаясь, что ему придется терпеть позывы в уборную, решил больше не пить и снова взял в руки кисть, продолжив писать. Пока он писал, он начал терять счет времени, его разум погрузился в воспоминания о прошлом и всех тех впечатлениях, которые оставили ушедшие дни; нагроможденные как горы в кабинете меморандумы Му Куанды, простолюдины, которых он видел, пока был в бегах... все эти образы боролись за то, чтобы овладеть его чувствами.

Его кисть скользила по бумаге, и по мере того, как описываемые им события принимали новый оборот, его слезы падали и капали на страницу, размазывая чернила по последнему слову его

сочинения.

Подняв рукав, он вытер слезы, отложил кисть и сделал глубокий вдох. Это сочинение для дворцового экзамена, казалось, выжало из него все силы, все до последней капли энергии, которую он копил в своей жизни до сих пор.

В этот момент его сердце стало таким спокойным, как никогда прежде, и он просто сидел в тишине. Он не шевелился до тех пор, пока солнце не начало садиться, заливая комнату красно-золотыми лучами. Только когда прозвенел четвертый гонг и советник канцелярии пришел забрать бумаги, Дуань Лин почувствовал, что с его груди словно свалилась огромная тяжесть, и поднял глаза, чтобы неожиданно встретиться взглядом с Цай Янем. Тот сидел на помосте, и Дуань Лин не знал, как давно он там находился.

Когда их взгляды встретились, Цай Янь не мигая уставился на него. Первоначальный шок Дуань Лина быстро прошел, и, вернув себе самообладание, он улыбнулся ему. Тот тоже улыбнулся ему в ответ, его выражение лица было наполнено неопишными чувствами.

— Все молодцы, — произнес Цай Янь.

И вот уже экзаменуемые один за другим встали, чтобы поприветствовать наследного принца, преклонив колени. Дуань Лин стоял в толпе экзаменуемых, встретившись взглядом с Цай Янем. После нескольких вдохов он расправил складки халата и без всяких колебаний встал на колени и поклонился в его сторону.

— Встаньте, — ответил Цай Янь, а затем развернулся к выходу и исчез.

— Кандидаты дворцового экзамена, — произнес евнух, — пожалуйста, перейдите в другой зал, чтобы поужинать перед уходом.

Когда Цай Янь ушел, экзаменуемые в зале наконец-то расслабились. Дуань Лин подошел к Чжэн Яню и сказал ему:

— Чжэн Янь, я хотел бы кое-что узнать у Его Величества.

— У Ду уже сказал мне. Приходи попозже в императорский кабинет, и я проведу тебя внутрь.

Дуань Лин обвел комнату взглядом и, заметив, что Лан Цзюнься еще не ушел, а продолжал о чем-то разговаривать с советником канцелярии, произнес:

— Господин Улохоу Му, мне нужно кое-что с вами обсудить. Я буду ждать в дальней галерее — прошу вас.

Лан Цзюнься, казалось, был несколько удивлен, но как только Дуань Лин закончил говорить, он покинул Зал Великой Гармонии и вышел на извилистую галерею в задней части дворцового зала. У Ду сидел перед перилами и пил воду в ожидании Дуань Лина.

— Хочешь перекусить? — спросил У Ду.

— Немного позже, — ответил Дуань Лин и сел рядом с ним.

— Как дела? — заметив, что вид у Дуань Лина был довольно кислый, У Ду подумал, что тот, должно быть, провалил экзамен.

Но Дуань Лин все еще был погружен в воспоминания о своем прошлом, еще не вынырнув из них. Услышав слова У Ду, он улыбнулся.

— Ты сказал мне, — прошептал Дуань Лин У Ду, — что отвезешь меня во многие места.

— В любое время, когда пожелаешь. Даже если захочешь уехать сегодня. А что? Почему ты об этом заговорил?

У Ду и Дуань Лин молча смотрели друг на друга; в его глазах Дуань Лин читал уверенность, которая заставила его успокоиться.

— Я хочу отправиться в Е, — сказал Дуань Лин.

— Тогда поехали. Мы уедем сегодня вечером? Я пойду подготовлю вещи.

У Ду не спрашивал его о причинах, как будто, если Дуань Лин так решил, это решение он примет безоговорочно.

— Ты не собираешься спрашивать, почему мне пришла в голову эта идея?

У Ду улыбнулся.

— Ты смог защитить Тунгуань, так что, естественно, сможешь защитить и Е.

Дуань Лин, в свою очередь, понимал, что вряд ли все будет так просто. В прошлый раз они отправились в путь только для того, чтобы убить кого-то, а защита Тунгуань во многом зависела от удачи. Хотя в тот раз он потратил время на изучение стратегии, на самом деле вести солдат на поле боя — совсем другое дело.

Из дворцового зала вышел Лан Цзюнься и подошел к ним по галерее.

— Он здесь, — сказал У Ду.

Дуань Лин оторвался от своих мыслей и взглянул на Лан Цзюнься.

Он выглядел так же, как и всегда, как будто ничего не изменилось: сияющий, красивый, изящный и уверенный в себе, словно безупречный нефрит. Он был точно таким же, как и в воспоминаниях Дуань Лина.

Дуань Лин поднялся на ноги, вышел в галерею и направился к нему.

— Что такое? — спросил Лан Цзюнься.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — Дуань Лин, не повышая голоса, медленно подошел к Лан Цзюнься.

Между ними словно застыло время, и они молча смотрели друг на друга.

Губы Лан Цзюнься дрожали, как будто он собирался что-то сказать.

Но тут Дуань Лин поднял руку и сильно ударил его по лицу. Громкий и четкий звук эхом разнесся вокруг по тихой ночи.

От удара лицо Лан Цзюнься отклонилось в сторону, а его левая щека запылала багровым цветом.

— Твоя соплеменница, — тихо начал Дуань Лин, — пожилая женщина, ее забрали в Сычуань, а потом привезли в Цзянчжоу. Она не говорит по-ханьски, и я уверен, что с соседями она тоже обычно не общается. Она совсем одна в этом мире, ей не на кого положиться, и единственный, кто у нее есть, — это ты, но ты в основном не обращаешь на нее внимания — все, что ты делаешь, — это даешь ей деньги, и все. Ты не попросил никого позаботиться о ней, найти кого-то, кто составил бы ей компанию, чтобы ей было с кем поговорить. Знаешь, как я это понял?

У Ду встал за спиной Дуань Лина на случай, если Лан Цзюнься ударит его в ответ, но тот никак не отреагировал. Он просто спокойно стоял на месте.

— Когда началось наводнение, все, кто жил рядом с ней, ушли, — тихо сказал Дуань Лин. — Никто не забрал ее с собой. Почему так? Наверное, потому что все знают, что она твоя семья, и не хотят неприятностей. Вот почему они все оставили ее одну, я прав?

— У нее нет сиделки, нет друзей, нет семейной любви, нет социальных связей. И причина этого проста. Потому что ты не хочешь, чтобы она с кем-то общалась. Хочешь, чтобы она держала все в себе, насколько это возможно. Я прав?

— Вот почему я дал тебе пощечину. Держи это в уме.

— Я знаю, что ты не хочешь, чтобы с ней кто-то разговаривал, чтобы никто не мог выудить из нее информацию, — перед тем как Дуань Лин ушел, он напоследок сказал Лан Цзюнься. — Но сейчас я скажу следующее: тебе лучше всего хорошо с ней обращаться, иначе, когда я стану чиновником при императорском дворе, первое, что я сделаю, — напишу меморандум об отстранении тебя от должности. Непочтительный и неверный, бесчеловечный и несправедливый, ты недостойн своей роли придворного чиновника. Неважно, что над тобой стоит тот, кого ты сам поставил, — даже если ты сам император, тебя осудят все в стране.

Луна уже взошла, а Лан Цзюнься все еще стоял в одиночестве на извилистой галерее.

Они свернули за угол императорских садов. После пощечины рука Дуань Лина продолжала дрожать, но У Ду сказал ему:

— Проклятье, ну и смелость у тебя. Я даже удивился. Зачем ты ударил его по лицу?

— Я... я просто не мог этого вынести, я был так зол. Особенно когда увидел госпожу Фэйлянь, сидящую в одиночестве на балконе.

У Ду понимал эти доводы, и Чан Люцзюнь тоже, но никто не хотел говорить об этом. Никому из них не нравился Лан Цзюнься, и вот почему.

— Он всегда был бессердечным и холодным. Так что... — задумался У Ду, а затем сменил тему. — Голоден? Сегодня у Чжэн Яня нет еды. Му Цин велел мне отвести тебя к императрице на ужин. Пойдем.

Рука Дуань Лина все еще незаметно подрагивала, и только когда У Ду взял ее и обвил своей, он начал успокаиваться. Он думал о тех словах, которые проглотил У Ду, о том предложении, которое он решил не произносить: Лан Цзюнься был бессердечен и холоден, а значит, и в Дуань Лине, которого он воспитал, он взрастил бессердечие и холодность.

Но разве убийцы не должны быть в первую очередь такими? В отличие от него, У Ду совсем не был похож на убийцу. Дуань Лин еще не видел, как Чжэн Янь убивал кого-то, поэтому не мог судить, но кто знает, может, тот тоже был холодным и безжалостным человеком; а когда убивал Чан Люцзюнь, он не колебался.

И все же, действительно ли Лан Цзюнься настолько черств и бессердечен? Дуань Лин не мог не вспоминать ту снежную ночь в Шанцзине, когда он был еще маленьким, а Лан Цзюнься, тяжело раненный, лежал на кровати. Обрывки воспоминаний сплелись в гобелен, который заставил его поверить, что у Лан Цзюнься тоже есть чувства.

В день приезда отца, в тот самый день, когда Лан Цзюнься уехал, Дуань Лин даже обнял его,

не желая отпускать. В мгновение ока прошло столько лет, а пощечина, которую он дал Лан Цзюнься, словно выбила из него весь гнев, который копился внутри Дуань Лина целую вечность. Теперь, когда он задумался об этом, то, заглядывая внутрь себя, почувствовал пустоту.

Когда-нибудь, если мне удастся вернуть себе все, что мне принадлежит, я покончу с ним и приговорю его к смерти?

Дуань Лин никогда раньше не задумывался над этим вопросом, но сегодня он не мог удержаться от размышлений. Когда придет время, ему самому ничего делать будет не нужно, Лан Цзюнься все равно придется умереть; даже если он решит пощадить его, придворные чиновники никогда не позволят ему избежать наказания — и все же он не хотел, чтобы Лан Цзюнься умер у него на глазах.

Даже если кто-то убьет его тихо и без шума, а потом вернется и скажет, что Лан Цзюнься исчез — сбежал, подался в бега, — ему станет немного легче. Как будто пока он не видел, как тот умирает у него на глазах, все эти воспоминания, связанные с ним, не исчезнут. Тот короткий период счастья и новый мир, который он обрел после отъезда из Сюньяна, не покажутся ему таким уж жалким притворством.

— Ты, должно быть, Ван Шань, — неторопливо произнесла Му Цзиньчжи. — Цин-эр постоянно говорит о тебе. И так много, что у меня уже мозоли на ушах.

Дуань Лин бросился кланяться императрице.

— Не нужно этих формальностей. Идите ужинать. Как только экзамены закончились, Цин-эр начал жаловаться на головную боль, так что я просто велела ему пойти поспать. Он просил разбудить его, когда ты придешь.

— Нет необходимости будить его, — ответил Дуань Лин. — Пусть еще поспит.

— Я так и сказала, — мило улыбнулась и бросила У Ду Му Цзиньчжи. — Тебе тоже пора идти ужинать.

У Ду кивнул, но не ушел. Он стоял рядом с Дуань Лином, охраняя его, пока тот ел. Му Цзиньчжи не стала настаивать и уселась на кушетку, наблюдая, как дворцовая служанка красит тушью крошечный фонарик-карусель*.

* Фонарь скачущих лошадей со свечой и маленькой каруселью внутри, которая вращается от движения разогретого воздуха.

— Как дела дома? — спросила Му Цзиньчжи. — Все затоплено?

Дуань Лин ответил:

— Все в порядке, Ваше Величество.

— Когда у тебя будет свободное время, посоветуй своему господину вовремя питаться три раза в день. Теперь, когда Чан Пина с ним нет, никто больше не напоминает ему об этом.

Дуань Лин утвердительно ответил и, приподняв бровь, бросил взгляд на У Ду, как бы говоря: ты это слышал? Му Цзиньчжи имела в виду Му Куанду, но Дуань Лин постоянно подшучивал над У Ду, то и дело называя его своим господином, поэтому сейчас он использовал это как предлог, чтобы заставить его пойти поужинать.

У Ду удалился в боковой зал, чтобы поесть, но во время еды он прислушивался к тому, что происходило в соседней комнате.

Дуань Лин посмотрел на живот Му Цзиньчжи, но не увидел ничего необычного. Она спросила:

— Ты уже женат?

Дуань Лин знал, что все стремятся сосватать таких талантливых юношей, как он, и еще до своего визита уже придумал контрмеры.

— Гадалки говорят, что на моих родственниках порча.

— О, а по тебе и не скажешь.

Му Цзиньчжи внимательно изучила лицо Дуань Лина и вдруг громко засмеялась. Она легонько подтолкнула дворцовую служанку своим круглым веером и произнесла:

— Посмотри на Ван Шаня. С чего это мне кажется, что он похож на кого-то из моих знакомых?

Дворцовая служанка тоже уставилась на него и, немного подумав, тихо сказала:

— Уголок его рта немного похож на губы пятой принцессы.

Дуань Лин был удивлен, его сердце учащенно забилось, и он подумал, какой острый у нее взгляд, но ведь все будет хорошо, правда? Все, что он мог сделать, — это посмеяться вместе с ней. К счастью, наконец-то появился Чжэн Янь. У него, видимо, были новости, и он увел Дуань Лина.

Дуань Лину вдруг вспомнилось кое-что из предыдущего разговора — Чан Пин не с Му

Куандой? Такое ощущение, что он не видел его уже несколько дней. Куда же он пропал? Куда Му Куанда мог послать Чан Пина в такой ответственный момент?

В императорском кабинете, как всегда, горели лампы, и изнутри доносилось несколько покашливаний. Дуань Лин снова начал беспокоиться о теле Ли Яньцю: у него всегда было слабое здоровье, и он часто недомогал, а в последнее время работал круглые сутки. Он надеялся, что Ли Яньцю не заболит. Как только появится возможность, он должен позвать У Ду, чтобы тот осмотрел его — нужно убедиться, что его не отравит ни Му Куанда, ни Цай Янь.

В это время зашла служанка, чтобы принести отвар, и Дуань Лину пришла в голову идея: он выставил ногу, чтобы поставить ей подножку. С удивленным вздохом она упала прямо на Дуань Лина и пролила на него лекарство.

— Простите, мне очень жаль, — поспешно произнес Дуань Лин.

Служанка сказала ему, что ничего страшного, и собрала разбитые кусочки фарфора, после чего вернулась на кухню, чтобы приготовить еще. Дуань Лин принялся к пролитому на его лицо лекарству, но не мог сказать, есть ли в нем что-то сомнительное. Он поднял глаза и посмотрел на У Ду, и тот кивнул, давая понять, что все понял.

— Кто это там, снаружи? — спросил Ли Яньцю.

— Ваше Величество, — ответил Чжэн Янь. — Это Ван Шань и У Ду, они ищут аудиенции.

— Входите.

Дуань Лин и У Ду обменялись взглядами и зашли внутрь.

— Ты еще даже не стал чиновником при дворе, — Ли Яньцю оглядел Дуань Лина с ног до головы, — но, похоже, приходишь сюда чаще, чем сам канцлер.

— «Каким бы скромным ни было мое положение, не смею пренебрегать государственными делами»*.

* Строка стихотворения Лу Ю 卢仝 «Читаю в болезни»

— Я читал твое экзаменационное сочинение, — медленно произнес Ли Яньцю. — За все годы гражданских экзаменов Великой Чэнь твое сочинение — единственное, от которого я был охвачен печалью, не в силах сдержать эмоции.

Дуань Лин поднял взгляд на Ли Яньцю и заметил, что его глаза покраснели — похоже, он действительно был впечатлен.

— «Но родные мои, может быть, и хранят печаль, остальные же все разошлись и уже поют... Как я смерть объясню? Тут особых не надо слов: просто тело отдам, чтоб оно смешалось с горой»*, — с улыбкой произнес Дуань Лин. — Ваше Величество, пожалуйста, позаботьтесь о своем здоровье. Когда я узнал о смерти покойного императора, мне показалось, что наступил конец света. Но со временем я постепенно оправился от горя.

* Из «Надгробной песни» Тао Юаньмина.

Ли Яньцю спокойно смотрел на Дуань Лина покрасневшими глазами и после долгой паузы произнес:

— Каким человеком, по твоему мнению, был покойный император? У Ду был рядом с ним в последние дни его жизни и помогал ему, так что ты наверняка много о нем слышал.

Дуань Лин немного поразмыслил, но, сколько ни ломал голову, так и не смог подобрать наиболее подходящих слов для описания своего отца. Он был мудрым, с необыкновенным характером, мягким и терпеливым... как гора, всегда направлял его в нужную сторону. Как бы долго и далеко он ни шел, когда бы ни поднял голову, он всегда видел эту гору — очень высокую гору.

Но что касалось самого глубокого впечатления, которое произвел на него Ли Цзяньхун... Подумав немного, Дуань Лин наконец произнес:

— Он был интересным человеком.

Ли Яньцю улыбнулся.

— Ты прав. Он был интересным человеком.

Дуань Лин тоже улыбнулся. Все, что можно сказать о Ли Цзяньхуне, было заключено в этом единственном слове, и больше ни о чем говорить было не нужно.

— Прожить жизнь в роли занимательной личности в этом мире гораздо сложнее, чем свершать великие деяния и вписывать свое имя в историю, — с горечью произнес Ли Яньцю. — Мир может быть большим, но мы все равно не сможем найти другого такого, как он. Однако каждый раз, когда я говорю с тобой, я чувствую себя очень счастливым.

— Возможность поговорить с Вашим Величеством меня тоже очень радует.

Ли Яньцю снова улыбнулся ему, и в этот момент Чжэн Янь снаружи сказал:

— Ваше Величество, ваше лекарство здесь.

Дуань Лин, не дожидаясь приказа, подошел к двери и взял лекарство у служанки, чтобы преподнести его. Когда Ли Яньцю взял чашу, Дуань Лин протянул два пальца и положил их на пульс Ли Яньцю. Тот посмотрел на него и, не говоря ни слова, выпил отвар.

Дуань Лин на мгновение задумался. Он понял, что Ли Яньцю не был отравлен, или, по крайней мере, его пульс указывал на то, что его жизненные показатели были в норме. Но пульс был слабым и неровным, у него была нехватка крови и ци — признак больного сердца, которому нужны лечебные отвары для укрепления сердца и спокойствия духа.

Однако его диагноз был не в счет — именно У Ду должен проверить, был ли Ли Яньцю отравлен. Хотя тот и виделся с Ли Яньцю время от времени, искусство врачевания требовало «осмотра», «прослушивания», «общения» и «ощущения», а по цвету лица человека обычно можно было определить, попал ли в него медленно действующий яд. Не может быть, чтобы У Ду не смог определить это.

Дуань Лин прикинул примерный план Му Куанды, и вполне возможно, что он заставляет Му Цзиньчжи давать Ли Яньцю один и тот же лечебный отвар каждый день до того дня, когда тот решит его убить; тогда он и добавит яд. Таким образом, бдительность Ли Яньцю будет ослаблена, и он не станет проявлять осторожность. Ведь ему придется пить его каждый день, и трудно заметить его кратковременный эффект. Если он отравит Ли Яньцю всего несколько раз из сотен, то тот и не заметит.

Дуань Лин убрал пальцы и кивнул. Он ничего не говорил, и Ли Яньцю тоже ни о чем его не спрашивал.

— Если бы ты не упомянул покойного императора в сочинении на дворцовом экзамене, я бы сделал тебя Чжуаньюанем, — нахмурился Ли Яньцю, допивая лекарство. — Но поскольку ты использовал покойного императора, как украшение для витрины, ты больше не можешь быть первым. Все, что я могу сделать, это дать тебе титул Таньхуа.

Дуань Лин улыбнулся и, придерживая края халата, опустился на колени перед Ли Яньцю, чтобы поблагодарить Его Величество за милость.

— Ступай домой и сообщи об этом У Ду. Теперь ты можешь вернуться в свой родной город и почтить память своих предков.

— Есть еще одна услуга, о которой ваш слуга хотел бы попросить Ваше Величество, — но Дуань Лин остался стоять на коленях.

— Говори.

— Город Е в опасности, а у императорского двора нет армии, которую можно было бы послать...

Не успел Ли Яньцю дослушать его до конца, как он уже улыбнулся и сказал Дуань Лину:

— Господин Таньхуа, я еще даже не объявил список выпускников.

Его тон звучал почти так же, как у Ли Цзяньхуна — раз он так над ним посмеивался, Дуань Лин понял, что он, должно быть, был сейчас в хорошем настроении. Он серьезно произнес:

— Я бы хотел отправиться в Е и разделить тяготы Вашего Величества.

Выражение лица Ли Яньцю застыло, а его брови сошлись.

Дуань Лин поднялся и сел за императорский стол. Он взял кисть, обмакнул ее в тушь и нарисовал грубую карту местности Е и его окрестностей, а также пунктирную линию на расстоянии, обозначающую Великую стену. Он сказал Ли Яньцю:

— Монголам не удалось взять Е. Сейчас начало лета, когда они наиболее активны. Обычно, если им не удается взять город, они не задерживаются, чтобы сражаться, и их отход проходит через это место на северо-запад, так что они, должно быть, ушли вдоль Великой стены.

— Если все пойдет так, как ваш слуга предположил, то в течение следующих нескольких месяцев мы обязательно получим новости из Чанжуна, Цзиньтая и Цзибэя. Они будут двигаться вдоль ляо-чэньской границы, покидая каждый город, как только закончат его грабить, пока не доберутся до Лояна, — Дуань Лин отметил букву «х» на западе, недалеко от Юйбигуань. — Лоян — крупный город, поэтому я не могу быть уверен, нападут они на него или нет, но раз уж они смогли добраться до Юйбигуань, то где-то в течение девятого-десятого месяца они отступят на восток и вернуться в окрестности Е. На этот раз они сделают последние приготовления перед зимой, захватят Е и останутся там на зиму.

Дуань Лин поднял голову и встретил взгляд Ли Яньцю.

— Мы должны послать кого-то в Е прямо сейчас. Иначе не позднее начала зимы Хэцзянь, Е, Чанчжоу — вся провинция Хэбэй окажется в руках монголов. Все будет так, как сказал монгольский посланник, когда был здесь: если они не могут выторговать города, то обязательно возьмут их силой.

Ли Яньцю произнес:

— Скажи Чжэн Яню, чтобы он зашел сюда.

Чжэн Янь вошел, и Ли Яньцю сказал ему:

— Позови сюда на совещание Му Куанду, Се Ю, Ши Бинчана, Су Фа и У Цзуня. Попроси

наследного принца тоже прийти.

Дуань Лин знал, что он серьезно обдумывает это предложение, поэтому кивнул и сел обратно за стол, но Ли Яньцю молчал. У Ду хотел закрыть дверь, но Ли Яньцю сказал:

— Оставь ее открытой. Здесь душно.

Ли Яньцю откинулся на спинку кушетки. Евнух принес с улицы горячее полотенце и положил ему на глаза.

У Ду заглянул внутрь с вопросительным выражением лица, но Дуань Лин небрежно махнул рукой, давая понять, что беспокоиться не стоит. Но затем он поднял левую руку, показывая на собственный пульс, и снова указал на Ли Яньцю.

У Ду понял его смысл и, войдя в комнату, приложил палец к пульсу Ли Яньцю.

Ли Яньцю молчал. Вскоре У Ду убрал палец и кивнул Дуань Лину, давая понять, что ему не стоит беспокоиться.

— Хотя Чжэнь* часто болеет, — неторопливо произнес Ли Яньцю, прикрывая глаза полотенцем, — я вполне осведомлен о состоянии своего здоровья.

* Императорское «я».

— Да, — ответил Дуань Лин.

Когда он закончил говорить, в императорском кабинете снова воцарилась настолько гробовая тишина, что можно было услышать, как падает булава.

— Ваше Величество, — неожиданно произнес Дуань Лин.

— Говори, — они не видели, как Ли Яньцю двигается, но слышали его голос.

Дуань Лин почувствовал некий порыв — почему бы просто не сказать ему? Но если он скажет ему, то потом уже не будет никакого пути к Е. Как только это станет известно, по двору прокатится ударная волна, и до того, как правда полностью прояснится, он не сможет никуда уйти.

Дуань Лин еще минуту колебался, и, не услышав ответа, Ли Яньцю решил спросить:

— Почему твое сердце так сильно привязано к Хэбэйскому командованию? После Шанцзыского

договора провинция Хэбэй уже стала частью Ляо. Только после нескольких последующих битв три города, расположенные на юге, были возвращены нам.

Когда Дуань Лин уже собирался ответить, в комнату вошел Цай Янь.

— Дядя! — Цай Янь поклонился Ли Яньцю, а затем улыбнулся Дуань Лину. — Дай угадаю. Ты Ван Шань?

— Приветствую вас, Ваше Высочество, — Дуань Лин встал со своего места, чтобы поклониться, и Цай Янь остановил его. Не успели их руки соприкоснуться, как Дуань Лин уже вернулся на свое место, словно в битве, когда удары даже не успевают отразиться.

Цай Янь ожидал, что Ли Яньцю что-то скажет, но тот просто без малейших эмоций произнес:

— Таньхуа этого года.

В конце фразы он протянул Цай Яню сочинение Дуань Лина. Он взял его, сел рядом и начал читать, а Дуань Лин наблюдал за его реакцией, гадая, не будет ли в его действиях каких-то изъянов. Закончив читать, Цай Янь долго молчал. Кивнув, он вздохнул и посмотрел на него с грустной и беспомощной улыбкой.

Дуань Лин ответил ему такой же беспомощной улыбкой — это было очень странное чувство, словно в нем столкнулись две разные эмоции. Сначала он подумал, что Цай Янь, возможно, скорбит по их прежней дружбе; чувствуя, что они оба все еще здесь, но все изменилось. Однако постепенно он понял, что эта печаль настоящая, без намека на притворство.

— Сын мой? — произнес Ли Яньцю.

Цай Янь сидел молча, его глаза внезапно наполнились слезами, которые безостановочно текли по щекам.

Дуань Лин теперь понял. Он, вероятно, вспоминает своего брата — Цай Вэня.

— Ваше Высочество не должны слишком сильно погружаться в печаль, — сказал Дуань Лин. — Ваше здоровье должно быть вашим главным приоритетом.

Цай Янь, закрыв глаза, кивнул, и прошло немало времени, прежде чем он снова их открыл.

— Ван Шань, почему у тебя такое имя?

Дуань Лин объяснил Цай Яню:

— Шань — это три горизонтальные линии Цянь, а Кунь — одна вертикальная и три поперечные, как Ван. Это означает Цянь Кунь, или инь и ян.

Цай Янь выглядел так, будто немного потерял дар речи.

— То есть это не потому, что твой отец — Ван?

Дуань Лин улыбнулся.

— Блестяще, Ваше Высочество.

Похоже, за этими словами скрывалась еще одна стычка.

— Фэн До сказал мне сегодня, что в этом году дворцовые экзамены сдают несколько многообещающих будущих придворных, и это благословение для Великой Чэнь. Небеса благословляют и укрепляют наш императорский двор. Ван Шань, ты тоже ученик канцлера Му; ты так долго был с ним, но мы как-то не догадывались.

Дуань Лин ответил:

— Я всего год как его ученик.

Цай Янь улыбнулся.

— Тот, кто разрешил сложную ситуацию в Тунгуань в прошлом году, должно быть, был ты.

Ли Яньцю выглядел задумчивым и, казалось, не слышал разговора между Цай Янем и Дуань Лином, его взгляд был прикован к пейзажу за окном.

— У Ду тоже там был, — ответил Дуань Лин.

— Я считал тебя одним из постоянных советников канцлера Му, но теперь, похоже, ты унаследовал и знания семьи Му, переданные самим канцлером. А это так непросто, — в середине разговора он улыбнулся Ли Яньцю. — Когда он станет придворным чиновником, споры, которые могут возникнуть, если его мысли будут противоречить взглядам канцлера Му, наверняка будут весьма занятными.

— Ваше Высочество льстит мне, — Дуань Лин робко склонился на своем месте, чтобы казаться скромным, но знал, что Цай Янь напоминает ему, говоря: «Твоя проблема в том, что ты — ученик канцлера. Ты наверняка подслушал какой-нибудь тайный сговор, так что даже если ты вернешь свое положение, Му Куанда не оставит тебя в живых».

— Когда мы совершаем жертвоприношения, то делаем это в порядке: небо, земля, правитель, родственники, а затем учитель», — с улыбкой ответил Дуань Лин. — Правитель стоит перед учителем. Я буду говорить то, что должен говорить, делать то, что должен делать, и никогда не буду держать язык за зубами. И если я действительно не смогу одержать над ним верх, я просто попрошу помощи у генерала Се.

Цай Янь и Дуань Лин засмеялись: Цай Янь понял, что тот хотел сказать, и это также было предупреждением, что даже если Му Куанда захочет его убить, он все-таки гражданский чиновник, и пока Се Ю на его стороне, Му Куанда не сможет помешать.

Цай Янь снова пошутил:

— Генерал Се высказывается редко. Боюсь, тебе не удастся его убедить.

Теперь Дуань Лин понял, что тот имел в виду: Се Ю не так легко примет его. По правде говоря, он думал, что Се Ю — человек, который признает его с наибольшей вероятностью. Он понятия не имел, почему, но тот момент удивления, когда Дуань Лин встретился с ним в последний раз, продолжал внушать ему это странное чувство.

Их перепалка прервалась появлением Се Ю. Он бросил взгляд на Дуань Лина, кивнул и больше ничего не сказал.

— Ты быстро пришел, — мягко произнес Ли Яньцю.

— Ваш слуга был в ночном дозоре у дворца и, услышав призыв Вашего Величества, сразу же примчался.

Как только прибыл Се Ю, Цай Янь представил ему Дуань Лина:

— Это новый Таньхуа.

Се Ю кивнул ему, и Дуань Лин сразу же поклонился. Ли Яньцю еще не объявил список почета, поэтому он не должен был никому говорить об этом, но раз наследный принц сам сказал об этом, значит, хранить это в тайне уже не имело значения. Вскоре Су Фа и остальные тоже появились один за другим, а последним прибыл Му Куанда.

Когда все заняли свои места, Ли Яньцю заговорил.

— Вчера вы часами обсуждали между собой, но так и не смогли найти подходящую кандидатуру. Сегодня вызвался Ван Шань, он хочет отправиться в Е вместо меня. Есть возражения?

На лицах всех присутствующих появилось разное выражение. Му Куанда слегка нахмурил брови, а Се Ю, казалось, был крайне удивлен.

— Ты никогда не был на войне, — сказал Се Ю, — не надо сейчас разбрасываться жизнью.

— Этот мой ученик усмирил пятидесятитысячную армию в Тунгуань, — с улыбкой произнес Му Куанда. — Ты хочешь сказать, что он ни разу не был на войне?

Се Ю немного растерялся.

— У Ду и мастер Фэй Хундэ тоже были там, — поспешил добавить Дуань Лин. — Я не делал этого в одиночку.

— Мастер Фэй тоже был в Тунгуань? — хмуро спросил Се Ю.

Дуань Лин кивнул, и все обменялись взглядами. Су Фа усмехнулся:

— Этот язык без костей*.

* Дословно «язык в три цуня и без изъяна» — об остром, хорошо подвешенном языке.

В битве при Тунгуань Дуань Лин успешно раздобыл доказательства измены Бянь Линбая и спланировал стратегию, которая заставила армию Силян отступить, а правительство Чэнь с тех пор могло держать под контролем западную половину двух главных пограничных перевалов. Или, можно сказать, Му Куанда был тем, кто крепко держал ее в своих руках. В связи с этим Се Ю всегда ощущал легкое недовольство.

Хотя Бянь Линбай и Хань Бинь принадлежали к совершенно иному роду войск, нежели Черные доспехи, и их разделяла четко очерченная линия, поскольку цель одного заключалась в противостоянии внешней агрессии, а другого — в поддержании мира внутри границ империи, для гражданских чиновников так просто уволить и заменить Бянь Линбая было все равно что ударить по лицу военное крыло. Когда генерал, защищающий границу, внезапно умирает в одночасье, даже человек с мозгами набекрень сможет догадаться, что произошла какая-то интрига: девять версий из девяти — У Ду отравил его.

— Расскажи нам о своих планах, — сказал Ли Янцю.

— Е не такой, как Тунгуань, — Дуань Лин встал и показал всем готовую карту местности. — В отличие от двух крупных пограничных перевалов, здесь не так много солдат, поэтому не потребуется дополнительных военных расходов. Попросить генерала Хань Биня перебросить солдат из Юйбигуань — еще менее надежный вариант, во-первых, это займет слишком много времени, а нам нужно срочно что-то делать, во-вторых, заимствованные войска рано или поздно придется возвращать, а монголы привыкли вести партизанскую войну. Мы никак не

можем предсказать, когда они придут, а когда уйдут.

— На северной границе, от Сюньяна до Шанцзы, на востоке, на протяжении четырехсот с лишним ли до Юйбигуань, — сплошная линия фронта. С этим придется повозиться. Мы не можем увеличить численность войск — и мы не можем пытаться решить все проблемы за счет увеличения численности. Поэтому я предлагаю не увеличивать наши вооруженные силы даже на одного солдата.

Услышав это, чиновники наконец-то успокоились: не увеличивать численность войск — значит не тратить деньги, а не тратить деньги — значит не иметь проблем.

— Если это действительно необходимо, — сказал Му Куанда, — императорский двор выделит часть своего бюджета на Е. Ведь мы не должны потерять ни Е, ни Хэцзянь.

— Понадобится не слишком много, — продолжил Дуань Лин. — Между этими тремя городами Е примет на себя основную ударную силу, так как он стоит прямо посередине линии фронта между Юань и Чэнь, в то время как Чанчжоу и Хэцзянь находятся далеко позади него, так что они фактически в состоянии поддержать Е. При некоторой реорганизации эти города можно превратить в тыловые резервы. Поскольку регулярную армию использовать в полной мере будет сложно, мы можем только готовить гражданское ополчение, тщательно изучать методы борьбы с монголами, чтобы земледельцы ежедневно работали и тренировались, призывать в армию простой люд и пытаться отстроить ряд сигнальных башен. Если монголы нападут, три города смогут поддержать друг друга. Они будут способны какое-то время противостоять нападениям, используя методы партизанской войны для борьбы с ними.

— После того как Хэцзянь и Чанчжоу пережили битву при Шанцзы, их население сильно уменьшилось, — покачал головой Му Куанда. — Они не выдержат твоего призыва.

— Это лишь долгосрочный план, — сказал Дуань Лин. — Потребуется не менее десяти лет, чтобы разместить достаточное количество солдат. Даже после битвы при Шанцзы осталось около ста тысяч семей, распределенных между тремя городами и их окрестностями. Его Величество уже сократил часть налогов с севера в этом году, и со временем, когда они постепенно восстановятся, они смогут призвать достаточное количество солдат.

Се Ю добавил:

— Это всего лишь твоя предварительная идея на долгосрочную перспективу. Как ты собираешься решить текущую проблему?

— Изначально я планирую заключить договор с Ляо, когда приеду. Если Е попадет в руки монголов, Ляо тоже придется несладко, ведь в этом случае им придется столкнуться с монголами лицом к лицу. Не желая создавать себе проблем, Ляо обязательно найдет способ сдержать монгольскую армию. Все, что нам нужно сделать, это постараться выиграть время, чтобы пережить зиму, а после осеннего сбора урожая этот год будет хорошим временем для подготовки ополчения. С наступлением нового года наши шансы на победу только возрастут.

— Людей не хватает, — сказал Су Фа. — Налоги Хэбэя были сокращены, потому что они не могли себе позволить их платить. Хотя в книгах по сокращению расходов значится сто тысяч семей, мы получаем налоги только с тридцати тысяч из них, не более. Ты предлагаешь этим людям вступить в ополчение? У них даже на еду не хватает.

— Людей достаточно. В начале каждой зимы огромное количество беженцев, взяв все, что у них есть, устремляется на юг. Одни — из-за стихийных бедствий, природных или вызванных людьми; другие остаются без крова из-за монгольских нашествий. Эти люди могут представлять опасность, если им разрешить двигаться на юг до центральных равнин, так почему бы просто не позволить им поселиться в Хэбэе? Причина, по которой эта огромная территория стала бесплодной, и никто не хотел торговать с этими тремя городами, кроется в том, что монголы продолжали грабить эту территорию. Каждый год около десяти тысяч человек, пережив хаос войны, устремляются на юг, на центральную равнину — все они могут предоставить рабочую силу.

— Чем же ты собираешься кормить их зимой? — добавил Су Фа. — Допустим, твои предсказания сбудутся, и в Хэбэй хлынет сто тысяч человек. Тогда, если ты не будешь осторожен, тебе даже не понадобится, чтобы монголы снова напали, — ты сам погибнешь от рук беженцев.

— Я кое-что придумал. Во всяком случае, это не приведет к восстанию. Я знаю, что на центральной равнине больше нет лишнего зерна — я не буду нуждаться в том, чтобы правительство выделило хоть одно зернышко риса.

Все на мгновение замолчали и, как один, повернулись к Ли Яньцю. Очевидно, что, хотя они уже много раз обсуждали вопрос о том, как разрешить кризис, в котором оказался Е, никто из них не думал об этом так подробно, как Дуань Лин.

— Ты еще слишком молод, — сказал Се Ю. — Ты не знаешь, насколько жестоким может быть поле боя.

— Покойный император возглавил войска в четырнадцать лет. В шестнадцать он прославился в решающей битве под горой Цзянцзюнь против царя хунну. Хотелось бы знать, сколько лет должно быть человеку, чтобы не быть слишком молодым в ваших глазах, генерал Се?

Ли Яньцю усмехнулся, и, неожиданно, Се Ю тоже.

— Что скажешь, сын мой? — спросил Ли Яньцю Цай Яня.

Цай Янь сказал Ли Яньцю:

— Наш Таньхуа, похоже, готов справиться с любой ситуацией, так что, вероятно, он уже разработал полный план. Думаю, он осуществим.

Дуань Лин уже высказал все, что должен был, оставив только одно — вопрос о продовольствии, которого должно хватить на всю зиму. Он не хотел, чтобы Цай Янь знал об этом, чтобы не возникло непредвиденных ситуаций. Невозможно предугадать, обезумеет ли Цай Янь настолько, чтобы пренебречь империей и пойти против него.

Теперь он спокойно ждал, когда все примут решение. На данный момент никто не говорил. Все глубоко задумались.

— Сколько людей тебе нужно? — спросил Ли Яньцю.

После сказанного Дуань Лин понял, что Ли Яньцю уже принял решение.

Изначально он хотел взять отряд личной охраны из Черных Доспехов, но, по его мнению, с такой группой людей ему будет сложнее завоевать расположение солдат, расквартированных в Е, и добиться их верности, что упростит создание невидимых фракций. Поэтому он решил.

— Мне не понадобится ни одного солдата.

— Армия Цзянчжоу может прислать вам на помощь отряд, — ответил Се Ю, очевидно, тоже одобряя предложение Дуань Лина.

— Нет необходимости, — сказал Дуань Лин. — Я очень ценю вашу добрую волю, генерал.

— Тебе не так много лет, — улыбаясь, произнес Се Ю, — но у тебя достаточно мужества.

— Далее, мне понадобятся два сотрудника из Министерства общественных работ, один из которых будет специализироваться на бухгалтерии, а другой — на строительстве. И еще один сотрудник из Министерства доходов, который будет заниматься нуждами населения.

— Кто возглавит твои войска? — спросил Ли Яньцю.

— У Ду, — одновременно произнесли все.

Се Ю сказал:

— У Ду не подойдет.

— Почему? — ответил вопросом на вопрос Дуань Лин. — У Ду много лет провел на стороне Чжао Куя, а потом следовал за покойным императором. Когда дело доходит до руководства войсками в бою, у него уже достаточно опыта — с дисциплиной и управлением у него нет никаких проблем.

Му Куанда сказал:

— Кроме этих людей, тебе также понадобится управляющий по труду, отвечающий за учет людей. Один судебный советник, отвечающий за наказания, и один счетовод для распоряжения деньгами и зерном. Ни одна из этих должностей не может быть укомплектована первоначальным штатом служащих из Е. Проследи за тем, чтобы передача их обязанностей была прозрачной.

— Конечно, — ответил Дуань Лин, — а что касается остальных, то я смогу найти подходящий состав, как только закончится эта встреча.

— У меня нет возражений, — с улыбкой обратился к другим крупным чиновникам Му Куанда.
— Что скажете, господа?

Му Куанда номинально был учителем Дуань Лина, но при императорском дворе они фактически были коллегами. Дуань Лин и раньше относился к этой встрече с опаской: ведь он не обсуждал свои планы с Му Куандой, и его беспокоило, что тот может сказать что-нибудь, чтобы остановить его. Теперь же, когда Му Куанда не возражал, он чувствовал себя гораздо спокойнее.

Дуань Лин пристально смотрел на Цай Яня, чувствуя, что тот что-то замышляет. Но что бы он ни задумал, у Дуань Лина не было другого выхода — ему необходимо выполнить эту миссию.

Ли Яньцю спросил:

— Когда ты уезжаешь?

— Я уеду, как только соберу полный штат. Дело не терпит отлагательств. Отсюда до Е не меньше месяца пути.

Ли Яньцю произнес:

— У кого-нибудь еще есть возражения?

Никто не ответил.

Ли Яньцю продолжил:

— Завтра канцлер Му выдаст приказы о назначении нашего Таньхуа и У Ду. Сейчас необычные времена, поэтому его должность будет повышена на два ранга, и ему будет присвоен тот же ранг, что и губернатору провинции. Во всем можешь поступать по своему усмотрению.

Огромная тяжесть, лежавшая на сердце Дуань Лина, наконец-то спала, и он кивнул Ли Яньцю.

Ли Яньцю произнес:

— Заседание окончено. Канцлер Му, министр Су, министр Се, пожалуйста, оставайтесь еще на некоторое время.

Только после этого все поднялись со своих мест и один за другим ушли.

Когда Дуань Лин вышел из комнаты, он понял, что Лан Цзюнься уже пришел и ждал в конце коридора вместе с Цай Янем.

Они стояли там, где должны были пройти Дуань Лин и У Ду. Дуань Лин все еще размышлял и не хотел ввязываться в драку с Цай Янем — у него и без того хватало забот.

Но Цай Янь не уходил, он, похоже, ждал Дуань Лина, а тот не мог просто ударить Цай Яня по лицу так же, как он ударил Лан Цзюнься.

— Пойдем, — сказал У Ду.

— Не отравляй его, — ответил Дуань Лин. Он собирался покинуть Цзянчжоу, и, если они убьют Цай Яня прямо сейчас, произойдет слишком много событий, ни одно из которых он не сможет контролировать.

У Ду усмехнулся и, следуя за Дуань Лином, дошел до конца длинной галереи.

Их окружала полная тишина. Цай Янь и Дуань Лин стояли лицом друг к другу, а позади них были Лан Цзюнься и У Ду. Между ними чувствовалась враждебность, а в воздухе витала напряженная атмосфера.

— Я и представить себе не мог, что ты заберешься так высоко, — сказал Цай Янь.

После возвращения Дуань Лина они впервые разговаривали лицом к лицу, и сейчас ни один из них не мог ничего поделать с другим. Дуань Лин должен был быть осторожен с Му Куандой, а Цай Янь — с Ли Яньцю. Когда их уже ничто не будет сдерживать, начнется борьба не на жизнь, а на смерть.

— Я хотел бы заключить с тобой сделку, — сказал Цай Янь.

— Давай, — ответил Дуань Лин.

Цай Янь бросил взгляд на У Ду и заметил, что тот не выглядит шокированным, очевидно, он уже знал о личности Дуань Лина.

— В настоящее время государство в опасности, поэтому я не стану ничего предпринимать против тебя. Но и ты не делай ничего бессмысленного. Давай поговорим, когда ты вернешься из Е.

— Так и должно быть. Хочешь сказать что-нибудь еще?

Цай Янь, казалось, проглотил слова на кончике языка, но тут Дуань Лин выхватил их прямо из его рта.

— Ты, наверное, хочешь спросить меня, — серьезно произнес Дуань Лин, — почему я не остался в Цзянчжоу, чтобы поискать что-то, что можно использовать против тебя, и почему я не позволил У Ду присоединиться к Восточному дворцу. Я прав?

Когда Цай Янь понятия не имел, какое имя носит Дуань Лин, у того был по крайней мере один шанс убить его. Нужно было только позволить У Ду присоединиться к Восточному дворцу, как его просили, и заставить его отравить Цай Яня, чтобы избавиться от этой занозы в его боку. Но в этом случае Дуань Лин не мог гарантировать, что сможет вернуться ко двору, и не знал, что может в дальнейшем произойти. Это был слишком большой риск.

— Ты упустил лучший шанс сделать это, — сказал Цай Янь. — Ехать сейчас в Е — тоже не самое мудрое решение. Я пришел сегодня, чтобы напомнить тебе кое о чем. Ты же не настолько глуп, чтобы думать, что Борджигин Бату будет к тебе снисходителен только из-за вашей личной дружбы, верно?

— Конечно, нет.

— Хорошо. Хотя я и не хочу, чтобы ты жил, я также не хочу, чтобы ты попал в руки Борджигинов и стал заложником и угрозой для императорского двора.

Дуань Лин знал, что опасения Цай Яня небезосновательны. Бату знал, кто он на самом деле, и ему была известна политическая ситуация в императорском дворе Чэнь. По правде говоря, если Бату захочет устроить разнос, всем, кому придется иметь с ним дело, придется несладко. Но он ничего не предпринимал с момента отъезда монгольского посланника, так что, возможно, Бату тоже беспокоился о своей безопасности, а может, хотел пока придержать этот секрет, планируя нанести удар, когда это будет важно.

— Знаешь, почему мое сердце так стремится к Е? — спросил Дуань Лин.

— Не думай, что твоя старая любовь тебе поможет, — приподнял бровь Цай Янь. — В итоге у тебя возникнет еще больше проблем.

— Нет, — ответил Дуань Лин. — Дело не в нем, а в том, что Хэбэйское командование — земли моего отца. Вот почему дядя был так настойчив.

По телу Цай Яня пробежала дрожь: при жизни Ли Цзяньхун получил титул «принца Бэйляна», а Бэйляном называлось Хэбэйское командование, и он унаследовал титул, передававшийся по наследству от предыдущих династий.

Дуань Лин лишь улыбнулся.

— Прощай.

Цай Янь чувствовал себя так, словно только что получил пощечину.

Дуань Лин сделал шаг назад, как будто они вернулись в былые времена Прославленного зала, и поднял руки на уровень бровей. Взявшись одной ладонью за другую, он поклонился Цай Яню, а затем быстро прошел мимо него и удалился.

— Я знаю одного человека, — произнес У Ду, — который может быть тебе полезен.

Когда они вышли из дворца, Дуань Лин бросил взгляд на небо и понял, что уже поздновато, но он планировал поужинать с Хуан Цзянем и его знакомыми. У Ду продолжил:

— Я могу передать ему письмо. Его зовут Янь Ди, раньше он работал у Чжао Куя начальником по обслуживанию главных сил. Он специалист по дисциплине войск, маршу и обустройству лагеря — профессионал.

— Мы пойдем вместе, — сказал Дуань Лин. — Нельзя пренебрегать столь важным человеком.

После смерти Чжао Куя Янь Ди был уволен и попал под следствие. Но, в конце концов, он не был доверенным помощником, поэтому, как бы его ни пытались проверить, ничего не нашли, не говоря уже о том, чтобы обвинить его в чем-либо. После провала Чжао Куя Ли Цзяньхун оставил распоряжение быть снисходительным к его людям, так что те, кто раньше следовал за Чжао Куем, были до сих пор живы.

Но правительство уже давно не принимало их на важные должности и не разрешало покидать свои дома, так что все, чем Янь Ди мог зарабатывать на жизнь, — это обрабатывать дерево, не выходя из дома. А после переезда из Сычуани в Цзянчжоу, будучи чужаком в незнакомой стране, зарабатывать на жизнь стало еще сложнее. Дуань Лин собрал немного денег и вместе с У Ду отправился в гости к Янь Ди. Тот был одет в крестьянскую одежду из грубой ткани, явно нищенствовал, к тому же у него было четверо детей, которых нужно было кормить; когда они упомянули, что едут в Е, Янь Ди, естественно, согласился, раз ему представилась такая

ВОЗМОЖНОСТЬ.

Им нужно было найти еще одного человека, который раньше занимался бухгалтерией в армии Чжао Куя, но он все еще сидел в тюрьме. Дуань Лин навел справки и вытащил его из тюрьмы. Ему было всего двадцать лет, он был холост, и звали его Ши Ци, однако использовать его сразу не получится. Дуань Лину осталось только передать Му Куанде, чтобы тот дал ему от десяти дней до двух недель, а потом Ши Ци сам отправится в Е, чтобы отработать свой срок.

После долгого путешествия по городу наступила глубокая ночь, и Дуань Лин потянулся.

— Ты все еще собираешься встретиться со своими друзьями-учеными? — спросил У Ду.

Точно, и это тоже. Дуань Лин не знал, что делать: он действительно был слишком занят последние несколько дней. У него даже не было времени остановиться и перевести дух.

— Давай сделаем это завтра, — сказал Дуань Лин. — Я хочу домой.

— Мы завтра отправимся в путь. У тебя будет достаточно времени, чтобы отдохнуть.

Если подумать, то это правда. Дуань Лину осталось только взять себя в руки и вместе с У Ду отправиться в «Лучшую лапшу в мире».

Хотя было уже довольно поздно, в «Лучшей лапше в мире» было все так же шумно, и она должна была закрываться только через два часа. Хуан Цзянь, Цинь Сюйгуан и Цэнъюн Но в ожидании Дуань Лина сидели в главном обеденном зале, выпивая и закусывая.

— Я лишь вскользь упомянул об этом, — с улыбкой сказал Цинь Сюйгуан, — но я смотрю, ты держишь свое слово, друг мой. Большое спасибо, что пришел.

— Всегда пожалуйста, — улыбнулся Дуань Лин, — простите, что заставил всех так долго ждать.

Дуань Лин подумал, было близко. Если бы У Ду ничего не сказал, то, возможно, он бы просто вернулся домой, чтобы отоспаться. Если он откажется от своих слов, ему будет гораздо сложнее завести друзей. Впредь он должен быть более строгим к себе.

— Это... — Цэнъюн Но узнал в У Ду одного из экзаменаторов, поэтому он просто ждал, когда Дуань Лин представит их друг другу.

И вот Дуань Лин сказал:

— Это мой названный брат, У Ду...

У Ду подошел к владельцу лапшичной, и они обменялись парой слов. Клиенты со второго этажа ушли совсем недавно, и они собирались убраться и больше не обслуживать гостей, но хозяин был в хороших отношениях с Чжэн Янем, поэтому согласился перевести их на второй этаж.

— Присаживайтесь наверху, — сказал У Ду, — а я пока побуду внизу.

Все трое кивнули У Ду и вместе с Дуань Лином поднялись наверх, в отдельную обеденную комнату. Вскоре после того, как они уселись, наверх принесли четыре миски лапши. Дуань Лин умирал от голода, поэтому извинился и приступил к еде; остальные пили всю ночь, так что тоже использовали этот шанс, чтобы немного подкрепиться.

— Никогда бы не подумал, что твоим названным братом окажется У Ду, — произнес Цэнъюн Но, — еще когда я был дома, уже слышал о Чжэн Яне из Хуайина. Кроме того, в Великой Чэнь есть еще три наемных убийцы.

— Да, — засмеялся Дуань Лин. — На самом деле мы встретились благодаря простому стечению обстоятельств, — все написано на звездах. Он приютил меня, дал мне жилье и порекомендовал канцлеру Му. Он мне и как отец, и как брат.

Об этом они узнали только сейчас. Даже Хуан Цзянь не знал о прошлом Дуань Лина, поэтому, услышав это, снова и снова закивал.

— Наши планы на сегодняшний вечер были составлены в спешке, — сказал Цинь Сюйгуан, — если бы я только знал, я бы устроил застолье и развлекал всех как следует. Уже поздно, поэтому, как только мы доедим лапшу, нам пора отправляться домой. Завтра мы можем пойти куда-нибудь еще и хорошенько выпить.

После паузы на размышления Дуань Лин с улыбкой сказал:

— Завтра мне придется покинуть Цзянчжоу.

— Что? — все были удивлены.

Ну, если мне есть что им сказать, то лучше сказать сейчас, подумал Дуань Лин. Он подозревал, что из этих троих Хуан Цзянь точно станет чиновником. Он был сиротой эмиссара по соляным делам, и, хотя Дуань Лин не мог судить, насколько он талантлив, Ли Яньцю не станет препятствовать ему даже из соображений экономии. К тому же тот, кого высоко ценил Му Куанда, должен был обладать какими-то задатками.

А раз Хуан Цзянь решил подружиться с Цинем и Цэнъюном, значит, разница в их способностях была не так уж велика. Иными словами, никто из этих троих не мог быть неумелым.

— Мне нужно отправиться в Е, — ответил Дуань Лин.

Все трое, казалось, были заметно взволнованы, и Дуань Лин вкратце объяснил им ситуацию. Хуан Цзянь всегда считал этого шиди достойным внимания, но он никогда не думал, что ему придется отправиться на работу на следующий день после дворцового экзамена. Поскольку он уже слышал смутную историю о том, что произошло в Тунгуань, он сказал:

— Поскольку ты так долго не приезжал, я догадывался, что ты обсуждал с нашим учителем, как разрешить затруднительное положение Е, но я и представить себе не мог, что они зайдут так далеко, что попросят тебя самого отправиться в путь.

— Больше некому поехать, — сказал Дуань Лин.

Цинь Сюйгуан произнес:

— Хэцзянь так и не оправился после битвы при Шанцзы, и уже много лет правительство не беспокоится о том, процветает он или приходит в упадок. Теперь, когда я об этом подумал, возможно, это просто воля небес. Но ты уже составил подробный план?

У Дуань Лина было общее представление о том, что нужно сделать в первую очередь, а что — потом, и сейчас было как раз подходящее время, чтобы изложить все и попросить остальных троих подкинуть ему пару-тройку идей. И они начали обсуждать детали того, как лучше использовать свои ограниченные ресурсы. Охваченные войной уже много лет подряд, три города едва держались на плаву; одна ошибка, и все рухнет — положение и впрямь было крайне шатким.

— Не будь слишком суров с законами, когда только приедешь, — сказал Хуан Цзянь, — хотя и говорят, что вновь назначенные чиновники должны быть решительными, по крайней мере, вначале, когда все уже сказано и сделано, нужно быть осторожным.

— Ты совершенно прав, — кивнул Дуань Лин.

Цэнъюн Но добавил:

— Я слышал от отца, что в Е можно неплохо заработать. Ведь когда-то это был крупный центр торговли между Чэнь и Ляо. Но после начала войны купцы перестали ездить по восточной дороге, и им ничего не оставалось, как перебраться в Хэцзянь. В этом районе было слишком беспокойно, и приходилось сталкиваться либо с монголами, либо с разбойниками. Постепенно торговля пришла в упадок, и вот так все вылилось в то, что есть сейчас.

— Что-нибудь еще? — Дуань Лин спустился вниз за письменными принадлежностями и стал все это записывать.

Цинь Сюйгуан на мгновение задумался, а потом сказал:

— Как ты планируешь расселить беженцев, чтобы они смогли пережить эту зиму? Не волнуйся, наши рты точно будут на замке. Если ты не можешь свести концы с концами, мы поможем тебе придумать что-нибудь здесь, в Цзянчжоу.

Дуань Лин знал, что сейчас он мог им доверять, хотя и не был уверен, будут ли у них в будущем фракционные споры. По крайней мере, сейчас между ними не было конфликта интересов. И сдавать его им тоже не имело смысла.

— Я собираюсь взять займы у киданей. Я знаю мастера Фэй Хундэ, и сейчас он, скорее всего, на стороне императора Ляо. Если Е не сможет сдержать вторжение, Ляо придется столкнуться с монгольским нашествием. Мы все здесь умные люди, так что они должны знать, что за этим стоит. Когда придет время, я напишу письмо и попрошу мастера Фэй о помощи.

— Это вполне осуществимо, — сказал Хуан Цзянь двум другим, и Цинь Сюйгуан медленно кивнул.

— Или можно попросить Хуайинхоу, — ответил Цинь Сюйгуан.

— Это еще один способ решить проблему, — произнес Хуан Цзянь. — В конце концов, если беженцы хлынут с севера, когда наступит зима, Е не сможет прокормить столько людей. А если они продолжат двигаться на юг, то еще через двести ли попадут в Хуайин — даже если Яо не захотят их кормить, им придется это сделать.

Дуань Лин всегда считал, что просить посторонних надежнее, чем своих, — одним небесам известно, какое странное условие может выдвинуть Яо Фу.

— Ляо разделена на Южную и Северную администрации, — продолжил Хуань Цзянь. — Уверен, тебе известно, что после смерти Елюй Даши семья Хань неуклонно набирает силу. Если тебе нужно одолжить зерна, у кого ты будешь просить?

Дуань Лин уже обдумал эту проблему.

— У Елюй Цзунчжэня.

И вот все трое начали анализировать политическую ситуацию в Ляо, а главное — как они собирались обеспечить себя зерном на предстоящую зиму.

«Надгробная песня», Тан Юаньмин

Смерть сопутствует жизни

И так до скончания времен, -

Даже ранний конец

Предрешен равнодушной судьбою.

Человек, что вчера

На закате встречался с тобою,

Он сегодня — увы! -

В поминальные списки включен.

Дух его улетел

Далеко в неземные края,

Лишь увядшая форма

Осталась в гробу, неживая.

Плачут старые люди,

В могилу меня провожая,

Плачут малые дети,

И добрые плачут друзья.

Ну а то, чем я славен

И чем я горжусь до сих пор,

Да и то, в чем я грешен,

Никто никогда не узнает:

Через несколько осеней

Кто разобрать пожелает,

В чем была моя слава

И в чем заключался позор?

Мне осталось одно -

Сокрушаться, что в жизни земной

Недостаточно пьянствовал:

Сколько недопито мной!

(Перевод — Гитович А.И.)

<http://bllate.org/book/15657/1400661>